

● **Общежители**
Новый Жилищный кодекс
позволяет чиновникам отбирать
жилье. Начали с общежитей..... 16-17



● **Каждому олигарху — по кактусу**
Продолжаем составлять словарь
современного бизнеса..... 24

● **Депрессия по-русски
и по-американски**
Почему летом резко взлетает кривая
суицидов..... 18

НОВАЯ ГАЗЕТА часть 2
ЛЮДИ/ЛЮДИ

НОВАЯ ГАЗЕТА - 2005. - 21-24.07. - с. 15-16



Фотопленка — таинственная вещь. Она живет своей жизнью. Зачинаясь в темной утробе фотоаппарата, негативы ждут рождения. Недоношенные при проявке — они прозрачны и слабы, переносные — контрастны, жестки и лишены подробностей. Нормально рожденный негатив — весел и здоров, какое бы печальное событие ни отражал. В нем все звенит от гордости, что запомнил бывшее с бриллиантовой чистотой и честностью. Его можно сразу напечатать и тем потешить глаз напоминанием недавно виденной картины, можно отложить на потом, чтобы никогда об этой картине не вспоминать, а можно спустя годы сунуть руку в ворох времени, чтобы выплести из него перфорированную ленту чужой и своей судьбы и ужаснуться, как давно ты живешь и как скоро.

Негативы прощания страны с Владимиром Высоцким были пристойного качества. В основном они отражали то, что происходило в Театре на Таганке, вокруг него, и мое собственное растерянное потрясение. Иногда я забывал менять экспозицию, отчего кадр то засвечивался, то, наоборот, уходил в траурную черноту. Но в основном изображения были отчетливыми и ясными, как видимая часть жизни тех, кому они были посвящены.

Теперь их нет. Никого. Я встречал негативы Высоцкого, перебирая другие жизни, а к случаю не нашел. Так бывает. Список потерь растет.

Юрий РОСТ

Фотографии по памяти

25 лет назад умер Владимир ВЫСОЦКИЙ

наводя на мысль о том, что кто-то дает тебе знак: память о жизни своей, о друзьях своих, о дорогих тебе людях и встречах, о высоких и трагических моментах, свидетелем которых ты был, о любви своей, об утратах своих — в себе же и храни. Не освобождайся от прожитого одним лишь коллекционированием фотокарточек или собиранием архива, тем более что никому, кроме тебя, никому.

Почти. Впрочем, все рассуждения — может быть, лишь оправдание бессистемной жизни негативов, в точности копирующей твою собственную.

Хотите перечень фотографий — Первая (всеобщая) легальная съемка Андрея Дмитриевича Сахарова в конце февраля 1970 года. Помню не только кабинет в «Комсомольской правде», где тогда работал, но ящик и конверт, в котором лежали негативы. После высылки Сахарова в Горький друг Ярослав Голованов, знаменитый к тому времени журналист, сказал:

— Ты бы спрятал куда-нибудь сахаровские негативы. Потом не найдешь и будешь жалеть.

Вот я и жалею. Хотя спрятал. Мы открыли ящик и не нашли в нем конверта. Он исчез. Голованов мгновенно (хоть и не навсегда) потерял ко мне интерес и вышел из комнаты, что означало крайнюю степень осуждения.

Сохранилась одна фотография у меня, другую мы с Еленой Георгиевной Боннэр

нашли после смерти в личных бумагах Андрея Дмитриевича. Довольно потрепанную. Оказалось, что именно эту карточку Сахаров, ухаживая за Боннэр, подарил ей, чтобы была.

Вторая — мистический побег всей многолетней съемки квартиры Пушкина. И среди них неповторимые (впрочем, каждый кадр неповторим) негативы, сделанные во время моего одинокого пребывания мартовской ночью на Мойке, 12. Может, исчезли они потому, что, стоворившись о ночном визите с хранителями, я не спросил согласия хозяина. Но ведь я не заходил ни в кабинет, ни в детскую, коротая ночь при свечах в гостиной. Отпечатки, впрочем, остались (видимо, за проявленный такт) и даже послужили основой для выставки «Пушкина нет дома...». А негативов нет.

Третья — отснятые пленки трагедии на Мюнхенской Олимпиаде напротив дома, захваченного арабскими террористами, за невозможностью напечатать в газете советского периода были вовсе скручены в рулон, который по истечении времени найти не удалось.

Смерть Высоцкого тоже произошла во время Олимпийских игр. В Москве. Эти игры не были полноценными из-за бойкота по поводу вторжения СССР в Афганистан. Помпезность и показуха парализовали город. Надо было показать торжество и возможности строя, а тут вдруг умер Высоцкий. Народная трагедия. Не было ни одного дома, где не звучали бы его песни. Он был любим и понятен. Беззащитный защитник. Актер, певец, поэт, любовник. Друг всем, страдающий от одиночества и от отсутствия его.

Кадр первый. Он тянется по Радищевской улице от ее устья, от Котельников, до театра и состоит из тихой, бесконечной и организованной очереди по-летнему одетых людей. Они молчат, и лица их печальны. Цветы они будут складывать на сцене у гроба, молча выходя из зала и не уходя, а накапливаясь на Таганской площади и по обеим сторонам Садового кольца, чтобы проводить его в последний путь.

Ближе к театру скорбную широкую очередь обожмут ограждением, у которого с неоправданной частотой стоят воткнутые в мягкий асфальт милиционеры. У церк-

ви — штабной автобус с рациями и громкоговорителями, наполненный офицерами и самим начальником ГУВД генералом Трушиным.

День ясный, солнечный. Легкие облака плывут по небу. Не помню куда.

Кадр второй. Сумрачный. На сцене — гора цветов, на заднике — портрет Владимира Семеновича. У гроба — артисты театра, друзья театра, родные Высоцкого. Сыновья, Любимов, Влади... Плачущий Всеволод Абдулов — близкий, нет не так, просто друг. Он прижался лбом к сложенным на груди рукам и не может отойти.

Люди идут, глядя на Высоцкого, не отвлекаясь на знакомые по фильмам и спектаклям лица. Эти лица — мертвая декорация, не имеющая отношения к их личному горю.

Они идут — молодые, старые, женщины, мужчины. Разные, равно любящие этого невысокого, мощного, потерянного ими человека. Они уходят в солнечный свет продолжать любить его голос. Дальше они безгласны. Им кажется, что больше некого хоронить, хотя это не так!

Они еще придут во Дворец молодежи прощаться с Сахаровым и в Вахтанговский театр на последнее свидание с Булатом. Они еще погорюют о себе, покинутых. Они еще не знают, что наступит времена, когда будет все можно. Правда, опять не им.

(Окончание на стр. 16)

240705
Высоцкий В.С.